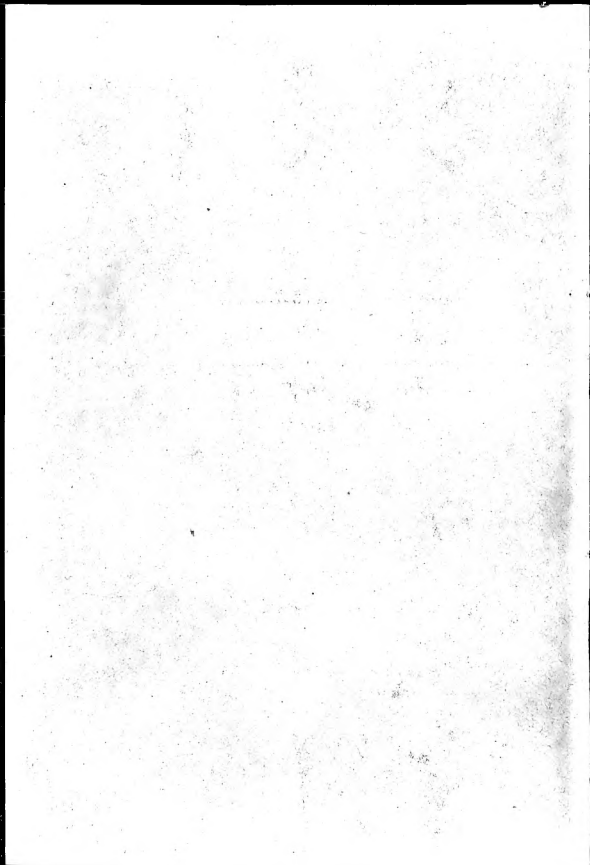

Троцкий
МИРОВОЕ
ЭКОНОМИЧ.
ПОЛОЖЕНИЕ
И
НАШИ ЗАДАЧИ

Московский Комитет Р. К. П. (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН171
М 629

Л. Троцкий.

**Мировое экономическое
положение и наши задачи.**

(Доклад, сделанный на объединенном заседании Моск.
Ком. Р. К. П., Коммунистической фракции Моск. Совета,
Райкомов и активных работников г. Москвы,
15 июня 1921 г.).

Государственное Издательство.

Московское отделение.

1921.

2015

ЕН171
М 629

ДЛЯ ЗАПИСИ

ИНСТИТУТ ДЕНЕЖ
И ФИНАНСОВ (И.Ф.Д.)

(1189)
26

~~СФД~~
~~12094~~

308
36

1068846

1917—1921 г.г.

Товарищи, вопрос, которому будет посвящен мой доклад, очень сложен и поэтому я опасуюсь, что доклад будет продолжителен. Я должен заранее просить вашего напряженного внимания, тем более, что я не уверен—удалось ли мне привести имеющиеся в моем распоряжении данные в такое состояние, при котором доклад требовал бы наименьшего напряжения, внимания со стороны слушателей, т.-е., я не уверен насколько мне удастся придать своим соображениям по вопросу о международном положении необходимый порядок и необходимую ясность.

Мы вступили со времени империалистской войны в революционную эпоху, т.-е., в ту эпоху, когда расшатаны и обрушиваются самые основы капиталистического равновесия. Равновесие капитализма есть очень сложное явление: капитализм вырабатывает это равновесие, нарушает его, снова восстанавливает и снова нарушает, расдвигая вместе с тем рамки своего владчества. В области экономической такими постоянными нарушениями и восстановлениями равновесия являются кризисы и подьемы. В области отношений между классами нарушение равновесия принимает форму стачек, локаутов, революционной борьбы. В области отношений между государствами нарушения равновесия—это война—или в более слабой форме—таможенная экономическая война или блокада. Капитализм имеет таким образом равновесие подвижное, которое всегда либо нарушается, либо восстанавливается. Но в тоже время это равновесие имеет большую силу сопротивления,—лучшим доказательством чего является тот факт, что капиталистический мир до настоящего времени не свалился.

Последняя империалистская война была тем событием, которое по праву оценивалось нами, как колоссальный, небывалый в истории удар по равновесию капиталистического мира. Действительно, из войны выросла эпоха величайших массовых движений и революционных боев. Россия, слабое звено капиталистической цепи, первый оказалась выбита из равновесия и первой вступила на путь революции в 17 году—в марте. Наша мартовская революция нашла широкий отклик в рабочих массах Англии. 1917 год в Англии—год величайших стачечных боев, в течение которых английскому пролетариату удалось приостановить вызванный войною процесс ухудшения условий существования трудящихся масс. В ноябре 17 года рабочий класс России берет власть. Стаечная борьба ширится во всем капиталистическом мире, начиная с нейтральных стран. Япония осенью 18-го года переживает полосу могущественных «рисовых беспорядков», которые волнуют в свой круг по некоторым данным до 25% населения и вызывают жестокие преследования со стороны правительства микадо. В январе 1918 года массовая стачка в Германии. В конце 18 года, после крушения германского милитаризма происходит революция в Германии и Австро-Венгрии. Революционное движение расширяется. Наступает наиболее критический для капитализма—по крайней

мере европейского—1919 год. В марте 19 года возникает советская республика в Венгрии. В январе и марте 19 года происходят в Германии жестокие бои революционных рабочих с буржуазной республикой. Во Франции атмосфера в период демобилизации стала напряженной, но иллюзии победы и надежды на ее золотые плоды еще слишком сильны; борьба не получает здесь и в отдаленной мере того размаха, как в побежденных странах. В Соединенных Штатах в конце 19 года стачки получают могущественный размах, захватывая железнодорожников, горнорабочих, металлистов и пр. Правительство Вильсона открывает бешенные преследования против рабочего класса. В 20 году весной в Германии попытка контрреволюционного переворота Каппа мобилизовала и двинула в борьбу рабочий класс. Напряженное, но неоформленное движение немецких рабочих странах впрочем далеко не оказалась всеобщей, была плохо подготовлена и предана оппортунистическими вождями, которые ее не хотели, но не смели в этом сознаться. В августе движение Красной Армии на Варшаву—тоже часть международной революционной борьбы—терпит неудачу. В сентябре итальянские рабочие, приняв в серьез словесно-революционную агитацию социалистической партии, овладевают заводами и фабриками, но, позорно преданные партией, терпят поражения по всей линии и подвергаются в дальнейшем беспощадному контр-наступлению со стороны объединенной реакции. В декабре протекает революционная массовая стачка в Чехо-Словакии. Наконец, в текущем году, в центральной Германии развертываются революционные бои с массовыми жертвами, в Англии возобновляется упорная стачка горнорабочих, не закончившаяся и по сей день.

Когда мы в первый послевоенный период наблюдали развертывающееся революционное движение, то многим из нас могло казаться—и с достаточным историческим основанием—что движение это, все повышаясь и усиливаясь, должно непосредственно закончиться завоеванием власти рабочим классом. Но вот прошло после войны почти три года. Во всем мире, кроме России, власть остается в руках буржуазии. За это время капиталистический мир не стоял конечно на одном месте. Он изменялся. Европа и весь мир пережили чрезвычайно острый и опасный для буржуазии период демобилизации после войны,—демобилизации людей и демобилизации вещей, т. е., промышленности,—период бешеного после-военного торгового подъема, затем кризиса, который еще не закончен. И вот перед нами встает во всем своем объеме вопрос: идет ли действительно развитие и сейчас в сторону революции, или же приходится признать, что капитализм справился с теми затруднениями, которые выросли из войны, и если не восстановит, то восстанавливает и приближается* к восстановлению капиталистического равновесия на новых после-военных основах.

Успокоение буржуазии.

Если, прежде чем рассмотреть этот вопрос в его экономических основаниях, мы подойдем к нему чисто политически, то придется констатировать, что есть целый ряд признаков, фактов, заявлений, свидетельствующих о том, что буржуазия, как правящий класс, стала сильнее и прочнее,

или, по крайней мере, чувствует себя такой. В 1919 г. европейская буржуазия находилась в состоянии острейшей растерянности. Это было временем панического, по истине сузаспешного страха перед большевизмом, который представлялся весьма смутной и тем более грозной фигурой и изображался на стених афишах в Париже в виде человека с ножом и пр. и пр. В сущности в этом призраке большевика с ножом, европейская буржуазия воплощала свой страх за свои преступления эпохи войны. Она то во всяком случае знала, как мало отвечают результаты войны тем обещаниям, которые она давала. Она знала точно размеры жертв людьми и достоянием. Она боялась расплаты. 19 год был, несомненно, самым критическим годом для буржуазии. В 20 и 21 годах наблюдается постепенный прилив ее самочувствия и вместе с тем, несомненно, укрепление ее государственного аппарата, который непосредственно после войны в некоторых странах—как например в Италии—достиг почти полного разложения. Восстановление самоуверенности буржуазии приняло особенно яркие формы в Италии после трусливого предательства социалистической партии в сентябре. Буржуазия считала, что перед ней грозные разбойники и убийцы; она убедилась, что перед нею трусы. Так как я по болезни не занимался последнее время активной работой, то имел возможность читать много иностранных газет и скопил целую папку вырезок, ярко характеризующих перемену в настроении буржуазии и ее новую оценку мирового политического положения. Все свидетельства сводятся к одному: самочувствие буржуазии сейчас несомненно прочнее, чем в 19-ом и даже в 20-ом годах. Так, например, очень интересные корреспонденции, печатавшиеся в толковой чисто капиталистической швейцарской газете „Нейц Цюрихе Цейтунг“, относительно политического положения во Франции, Германии и Италии. Так как Швейцария зависит от этих стран, то у ней большой интерес к их внутреннему положению. Вот, например, что писала названная газета по поводу мартовских событий в Германии: „Германия 1921 года совсем не то, чем была Германия 1918. Государственное сознание повсеместно вновь окрепло настолько, что методы коммунистов наталкиваются сейчас на сопротивление во всех слоях населения, несмотря на то, что сила коммунистов, которые в дни революции представляли лишь небольшую силу решительных людей, возросла с тех пор больше, чем в десять раз“. В апреле в связи с выборами в итальянский парламент та же газета следующими выражениями рисует внутреннее состояние Италии: „1919 год—буржуазия растеряна, большевизм наступает сплошной стеной. 1921 год—большевизм разбит и раздроблен, буржуазия выступает сплошной стеной“. Французская руководящая газета „Le Temps“ по поводу 1-го мая этого года писала, что ныне не осталось и следа тех опасений революционного переворота, которые наполняли атмосферу Франции в мае прошлого года и т. д.

Таким образом совершенно несомненно подьем классовой самоуверенности буржуазии, и несомненно фактическое укрепление подлинейски-государственного аппарата после войны. Но сам по себе этот факт—как он ни важен—еще далеко не решает вопроса, и во всяком случае, наши враги чрезвычайно торопятся делать отсюда вывод относительно банкротства нашей программы. Конечно, мы надеялись на то, что буржуазия свалится в 1919 году. Но мы конечно, не были в этом уверены и, разумеется, не на этой дате была построена наша программа действий. Когда теоретики 2-го и 2^{1/2} Интернационала говорят, что мы обанкротились в

наших пророчествах, то можно подумать будто дело шло о предсказывании астрономического явления: будто мы ошиблись в нашем математическом расчете, что такого то числа будет солнечное затмение и окажется, стало быть, плохими астрономами. Но ведь на самом деле дело обстоит вовсе не так. Мы предсказывали не солнечное затмение, т. е. событие, находящееся вне нашей воли и независимое от наших действий. Дело шло об историческом событии, которое должно было совершиться и совершится при нашем участии. Когда мы говорили о революции в результате мировой войны, то это означало, что мы стремились и стремимся использовать последствия мировой войны для всемерного ускорения революции. Если революция не произошла до сегодняшнего дня во всем мире или по крайней мере в Европе, то это никак не означает „банкротства коммунистического интернационала“, ибо его программа не основана на астрономических данных. Это понятие каждому коммунисту, который сколько-нибудь продумал свою точку зрения. Но раз революция не пришла по горячим следам войны, то совершенно очевидно, что буржуазия получила ей передышку использовала для того, чтобы наиболее ужасные и грозные последствия войны, если не преодолеть и усугубить, то замаскировать, залепить и пр. и пр. Успела ли она в этом? Отчасти успела. В какой мере? Здесь то и начинается существо вопроса о восстановлении капиталистического равновесия.

Восстановлено ли мировое равновесие?

Что означает капиталистическое равновесие, о котором ныне с полной уверенностью говорит международный меньшинство? Это понятие равновесия со стороны социал-демократов не анализируется, не разъясняется, не выясняется точно. В равновесии капитализма заключается очень много факторов, явлений, фактов,—основных, второстепенных и третьестепенных. Капитализм есть явление мировое. Он успел охватить весь земной шар, и это особенно резко сказалось во время войны и блокады, когда одна страна производила излишки и не имела рынка, а другая, нуждающаяся в товарах, не имела доступа к ним. И сейчас эта взаимная зависимость раздробленного мирового рынка сказывается везде и всюду. Капитализм в достигнутой им до войны стадии основан на международном разделении труда и на международном обмене продуктов. Нужно, чтобы Америка производила известное количество хлеба для Европы. Нужно, чтобы Франция производила известное количество предметов роскоши для Америки. Нужно, чтобы Германия производила известное количество дешесвых предметов потребления для Франции. Это разделение труда опять-таки не есть что-либо постоянное, раз навсегда данное. Оно вырабатывается исторически, всегда нарушается путем кризисов, конкуренции,—не говоря уже о таможенных войнах,— снова восстанавливается и снова нарушается. Но в общем мировое хозяйство держится на том, что между разными странами более или менее распределено производство соответственных благ. Вот это мировое разделение труда нарушено войной в корне. Восстановлено оно или нет? Это одна сторона вопроса.

В каждой отдельной стране сельское хозяйство производит для промышленности предметы личного потребления рабочих и предметы производственного потребления (сырые материалы) для промышленности, а промышленность производит для деревни предметы домашнего обихода

личного потребления и средства сельско-хозяйственного производства. Тут опять-таки выработываются известные взаимоотношения. Наконец, внутри самой промышленности имеется производство средств производства и производство предметов потребления, между которыми устанавливается некоторое соотношение, постоянно нарушаемое и снова возрождающееся на новых основах. Все эти соотношения и пропорции война нарушила коренным образом, уже тем одним, что во время войны промышленность Европы, а в значительной мере и Америки и Японии, производила не столько предметов потребления и средств производства, сколько средства истребления. Поскольку же производились предметы личного потребления, — они потреблялись не столько рабочими — производителями, сколько разрушителями — солдатами империалистских армий. Вот это нарушенное соотношение между городом и деревней, между различными отраслями внутри промышленности отдельных стран — восстановлено или нет?

Далее следует равновесие классов, которое опирается на равновесие хозяйства. В период до войны не только в международных отношениях был так называемый вооруженный мир, но и между буржуазией и пролетариатом в значительной мере господствовал вооруженный мир при помощи системы коллективных тарифных договоров, которые заключались централизованными союзами и все более и более централизованным промышленным капиталом. Это равновесие также было нарушено войной целиком, — что и привело к колоссальному стачечному движению во всем мире. Относительное равновесие классов буржуазного общества, без которого невозможно производство, восстановлено или нет? и на какой основе?

Равновесие классов тесно связано с равновесием в политике. Буржуазия во время войны, да и до войны — хотя мы тогда это меньше замечали — держала в равновесии свою механику через посредство социал-демократов, социал-патриотов, которые были ее важнейшей агентурой и держали рабочий класс в рамках буржуазного равновесия. Только благодаря этому буржуазия получила возможность провести войну. Восстановила ли она теперь снова равновесие своей политической системы и в какой мере социал-демократы сохранили или утратили свое влияние на массы и способны играть свою роль охранителей буржуазии?

Далее стоит вопрос о международном равновесии, т. е. о „мировом сосуществовании“ капиталистических государств, без чего, разумеется, невозможно восстановление капиталистического хозяйства. Достигнуто ли равновесие в этой области или нет?

Все эти стороны вопроса должны быть оценены для того, чтобы можно было дать ответ насчет того, продолжает ли мировая ситуация оставаться революционной или же, наоборот, правы те, которые считают наши революционные перспективы утопическими. Рассмотрение каждой из сторон вопроса требует иллюстрации многими фактами и цифрами, которые трудно докладывать большому собранию и которые трудно запоминаться. Я постараюсь поэтому дать только основные данные в ориентировке в этом вопросе.

Установилось ли новое международное разделение труда? В этой области решающим фактом является перенесение центра тяжести капиталистического хозяйства и буржуазного могущества из Европы в Америку. Это — основной факт, который каждому из вас, товарища, нужно запомнить самым твердым и отчетливым образом, чтобы понимать те события, которые развертываются перед нами и которые будут развертываться в

ближайшие годы. До войны капиталистической сердцевинной мира была Европа, она была главной лавкой земного шара, главной фабрикой его и главным его банком. Европейский промышленник—в первую голову английский, а затем немецкий, европейский купец—прежде всего английский, а затем французский,—были фактическими руководителями мирового хозяйства и стало быть и политиками всего земного шара. Сейчас этого нет. Европа отброшена назад.

Хозяйственный упадок Европы в цифрах.

Попытаемся факт перенесения хозяйственного центра тяжести и размеры хозяйственного упадка Европы определить в цифрах, хотя бы и очень приблизительных. До войны национальная собственность, т.-е. совокупность достояния всех граждан и государств, участвовавших в последней войне стран, исчислялось приблизительно в 2400 миллиардов золотых марок. Годовой доход всех этих стран, т.-е. то количество продуктов, которые добывались ими в течение года, исчислялась в 340 миллиардов марок. Сколько же израсходовала и уничтожила война? Не больше и не меньше как 1200 миллиардов золотых марок т.-е. ровно половину того, что накопили все воевавшие страны в течение всего своего существования. Разумеется, расходы войны покрывались прежде всего из текущих доходов. Но если мы примем, что национальный доход каждой страны во время войны уменьшился хотя бы на одну треть вследствие огромного отвлечения рабочих рук и стало быть стал равен 225 миллиардам марок, если мы далее примем, что все не-военные расходы поглощали 35%, то мы приходим к выводу, что из новых национальных доходов можно было бы покрывать военные расходы не больше как на 100 миллиардов золотых марок в год. За четыре года войны это составит 400 миллиардов марок. Следовательно, недостающие 800 миллиардов марок должны были быть покрыты за счет основного капитала воевавших наций, главным образом путем восстановления их производственного аппарата. Отсюда вытекает, что общее достояние воевавших стран после войны уже составляло не 2400 миллиардов золотых марок, а всего лишь 1600, т.-е. на одну треть меньше.

Но не все участвовавшие в войне страны обеднели одинаково. Наоборот, есть среди воевавших—как мы еще увидим—разбогатевшие страны, именно Соединенные Штаты и Япония. Это значит, что европейские страны, участвовавшие в войне, потеряли более третьей части своего национального достояния, а некоторые—как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Балканы—значительно более половины.

Вы знаете, что капитализм, как хозяйственная организация, полон противоречий. Эти противоречия за годы войны достигли чудовищного размера. Чтобы добыть средства на ведение войны, государство прибегало преимущественно к двум мерам: во-первых, выпускало бумажные деньги, во-вторых, заключало займы. Таким путем в оборот входило все более и более так называемых ценных бумаг, при помощи которых государство извлекало из страны действительные материальные ценности и уничтожало их на войну. Чем больше расходовало государство, т.-е. чем больше оно уничтожало действительных ценностей, тем больше накапливалось в стране мнимых, фиктивных ценностей. Бумаж государственного займа накопились

горы. Казалось, будто страна чрезвычайно разбогатела, а на самом деле хозяйственная основа под ногами все более и более ослабевала, расшатывалась, обрушивалась. Государственные долги достигли приблизительно 1000 миллиардов золотых марок, что составляет 62% нынешнего национального достояния воевавших стран. Бумажных денег и кредитных знаков имелось до войны примерно на 28 миллиардов золотых марок, теперь их 220—280 миллиардов, т.-е. в 10 раз больше,—и это, разумеется, не считая России, ибо мы говорим только о капиталистическом мире. Все это относится главным образом, если не исключительно, к европейским странам, преимущественно к континенту и особенно к центральной Европе. В общем, по мере того, как Европа становилась и сейчас еще продолжает становиться беднее, она покрывалась и покрывается все более и более толстым слоем бумажных ценностей, или того, что называется фиктивным капиталом. Этот фиктивный капитал—кредитки, казначейские знаки, заемные документы, банкноты и проч.—представляет собою либо воспоминания о повоинном капитале, либо надежду на новый капитал. Но в настоящее время ему никак не отвечает реальный действительный капитал. Когда государство заключало заем на производственные задачи, скажем, на Суэцкий канал, то соответственным государственным бумагам отвечает реальная ценность, Суэцкий канал, который пропускает пароходы, взимает с них плату, дает доход, вообще участвует в хозяйстве. Но когда государство занимало на войну, то мобилизованные при помощи займа ценности уничтожили и разрушили при этом новые ценности. Между тем заемные бумаги остались в карманах и портфелях у граждан: государство должно сотни миллиардов. Эти сотни миллиардов существуют в виде бумажного богатства в кармане у тех, кто давал государству заем. Но где эти реальные миллиарды? Их нет. Они сожжены, они уничтожены. На что надеется держатель этих бумаг? Если это француз, то он надеется на то, что Франция вырвет миллиарды с мясом у немца и ему заплатит.

Разрушение основ капиталистических наций, разрушение их производственного аппарата зашло на самом деле во многих отношениях гораздо дальше, чем это можно установить статистически. Это особенно ясно видно на квартирном вопросе. Все силы капитала—в виду бесеных военных и после-военных барышей—были направлены на производство новых предметов личного или военного потребления. Восстановление же основного производственного аппарата запускалось все более и более. Это относится целиком к городскому домостроительству. Старые дома плохого ремонтировались, а новые строились в ничтожном числе. Отсюда—чудовищный квартирный голод во всем капиталистическом мире. Если в настоящее время вследствие кризиса, при котором основные капиталистические страны используют не более половины или одной трети своих производственных возможностей, разрушение производственного аппарата, не так заметно, то в квартирной области, вследствие неприостанавливающегося размножения населения, расстройством хозяйственного аппарата сказывается со всей силой. В Америке, Англии, Германии, Франции нужны сотни тысячи и даже миллионы квартир. Но соответственные работы упираются в неопределимые трудности, вызываемые общим обеднением. Капиталистической Европе приходится и придется сжаться, сгустить свой размах, понизить свой уровень на многие годы.

Как я уже сказал, в рамках общего оскудения Европы разные страны оскудели в разной степени. Возьмем Германию, как наиболее пострадав-

шую из могущественнейших капиталистических стран. Я приведу основные цифры, характеризующие экономическое положение Германии до войны и теперь. Эти цифры не очень точны. Статистические исчисления национального богатства и национального дохода—вещь очень трудная при капиталистической анархии. Настоящий учет дохода и имущества будет возможен только при социализме, учет выраженный в единицах человеческого труда, разумеется, при настоящем, хорошо организованном и правильно действующем социализме, до которого нам еще очень и очень далеко. Но и неточные цифры будут нам полезны, потому что дадут нам все же хотя бы приблизительное представление о переменах, происшедших в хозяйственном положении Германии и других стран за последние 6—7 лет.

Национальное богатство оценивалось накануне войны в 225 миллиардов золотых марок, а наивысший национальный доход—в 40 миллиардов марок. До войны Германия, как известно, очень быстро богатеет. В 1896 году доход ее представлял 22 миллиарда. В течение 18 лет (1896—1913) он увеличился на 18 миллиардов, т. е. возросстал примерно на один миллиард в год. Эти 18 лет были вообще временем могущественного капиталистического подъема во всем мире и особенно в Германии. В настоящее время национальное достояние исчисляется в 100 миллиардов марок, а национальный доход—в 16 миллиардов марок, т. е. в 40% довоенного дохода. Правда, Германия потеряла часть своих территорий, но главные потери связаны с расходами войны и послевоенного разграбления Германии. Немецкий экономист Рихард Калвер считает, что в области промышленности, так и в области сельского хозяйства сейчас в Германии добывается гораздо менее половины тех ценностей, какие добывались до войны. Исчисления Калвера таким образом вполне подтверждают приведенные мною цифры. В то же время государственный долг Германии вырос до 250 миллиардов марок, т. е. в $2\frac{1}{2}$ раза превышает нынешнее богатство Германии. Кроме того, на Германию возложена контрибуция в 132 миллиарда марок. Если бы англичане и французы решили эти суммы получить немедленно и полностью,—они должны были бы положить себе в карман всю Германию, начиная с шахт Стиннеса и кончая записками президента Эберта. Денежных знаков в Германии сейчас имеется на 81 миллиард марок. Из них обеспечено золотом всего не более 5 миллиардов. Стало быть, внутренняя ценность немецкой марки сейчас менее 7 пфеннигов.

Правда, Германия выступала за время после войны очень победоносно на мировом рынке, вывозя туда свои товары по очень дешевой цене. Если эта дешевизна доставляла крупные прибыли немецким купцам и экспортерам, то в последнем счете она означала разрушение для немецкого населения в целом, ибо дешевые цены на международном рынке обуславливались низкой заработной платой и недоделанием работ, приплатой государства к хлебу, регулировкой квартальной платы, что в свою очередь сопровождалось полным превращением строительства и крайним сокращением ремонта и проч. и проч. Таким образом, каждый немецкий продукт, выброшенный на мировой рынок уносит с собой некоторую часть немецкого национального достояния, за которую Германия не получает никакого эквивалента.

Для того, чтобы „оздоровить“ немецкое хозяйство, нужно упрочить валюту, т. е. нужно приостановить выпуск новых бумажных ценностей и сократить число существующих. А для этого нужно отказаться от уплаты долгов, т. е. объявить государственное банкротство. Но эта мера сама по

себе означает страшное потрясение равновесия, ибо связана с передаточкой собственности из одних рук в другие и потому должна вызвать ожесточенную борьбу классов за новое распределение национального дохода. Пока же Германия продолжает беднеть и падать.

Возьмем победоносную страну—Францию. Если мы сравним положение Франции с тем положением, какое было в 1918—19 годах, то мы скажем: да, здесь есть некоторые улучшения. Я приведу сейчас цифры, которыми шеголяет французская буржуазная экономика, стремясь доказать факт восстановления капиталистического хозяйства. Возьмем область земледелия. Пшеницы до войны Франция давала ежегодно 86 миллионов quintales (quintal—100 кг., немногим более 6 пудов), овса—52 миллиона, картофеля—132. 1919-й год дал пшеницы 50 миллионов, последний урожай (1920 год)—63 миллиона. В 1919 году картофеля—77 миллионов, в прошлом году—103 миллиона. Теперь возьмем скотоводство: овец в 1913 году было 16 миллионов, теперь—9 миллионов, свиней—7 миллионов, теперь 4 миллиона,—уменьшение огромное. Возьмем уголь, этот важнейший продукт и важнейший фактор промышленности. В 1913 году Франция добыла 41 миллион тонн угля, 1919—22 миллиона, в 20 году—25, а если считать Эльзас-Лотарингию и Саарский угольный бассейн, то добыча 1920 года выразится цифрой 35,6 миллиона тонн. Стало быть, повышение есть. Но это повышение далеко еще не достигает до-военного уровня. Но каким образом, однако, достигнуты эти к тому же очень скромные успехи. В области земледелия они достигнуты главным образом упорным и кропотливым трудом французского крестьянина. Но в чисто-капиталистической области успехи эти достигнуты преимущественно путем грабежа Германии, у которой забирали коров, семена, машины, паровозы, золото и особенно уголь.

С точки зрения обще-хозяйственной тут нет плюса, ибо нет создания новых ценностей, а есть главным образом перемещение старых ценностей. К этому еще нужно добавить, что Германия теряла в полтора или два раза больше, чем получила от нее Франция.

Итак, мы видим, в частности, что, отлив у Германии важнейшие области металлургии и угля, Франция далеко еще не достигла своего собственного до-военного уровня. Возьмем французскую внешнюю торговлю. Торговый баланс характеризует экономическое международное равновесие между разными странами. Капиталистическая страна считает себя в хорошем положении, если она вывозит за-границу больше, чем ввозит из-за границы. Разницу ей уплачивают золотом. Такой баланс называется активным. Если страна вынуждена больше ввозить, чем она может вывозить, то баланс будет пассивный, и эта страна вынуждена в ввозимым ею товарам прибавлять еще часть своего золотого запаса. Этот последний тает, и под денежной и кредитной системой постепенно разрушается фундамент. Если мы возьмем Францию последних двух лет—1919 и 20 года, т.-е. двух лет „восстановительной“ работы французской буржуазии, то увидим, что в 19 году торговый пассив составлял 24 миллиарда, в 1920 году—13 миллиардов. Таких цифр французский буржуа и в страшных кошмарных снах не видал до войны. Торговая нехватка за два года составляет 27 миллиардов. Правда, за первую треть этого года Франция свела свой торговый баланс без пассива, т.-е. ее ввоз равнялся вывозу. По этому поводу некоторые буржуазные экономисты ударили в литавры: Франция восстанавливает модное свое торговое равновесие. Но руководящий орган буржуазии „Le Temps“ („Время“) писал 18 мая по этому поводу: „Вы ошибаетесь, мы потому

только не должны доплачивать золотом за эти три месяца, что мы мало ввозили сырых материалов. Но это означает только то, что во вторую половину года мы будем мало вывозить продуктов, которые мы изготовляем вообще благодаря заграницному, главным образом американскому, сырью. Следовательно, если мы свели благополучно наш торговый баланс за три месяца, то в дальнейшем торговый пассив неизбежно будет возрастать⁴.

Денежных знаков до войны было менее шести миллиардов франков, теперь—более 38-ми. Относительно покупательной силы франка та же газета указывает, что к концу марта, когда уже наступил кризис во всем мире, в Америке цены были выше довоенных на $23\frac{9}{10}\%$, т. е. меньше, чем на четвертую часть, тогда как во Франции—на $260\frac{0}{100}\%$, т. е. выше в три с половиною раза, чем до войны. Это значит, что покупательная сила франка понизилась в несколько раз. Возьмем теперь французский бюджет. Он делится на две части: на нормальный и чрезвычайный. Нормальный бюджет исчисляется в 23 миллиарда франков—цифра, которой довоенное время не знало! Куда уходят эти чудовищные суммы? 15 миллиардов—это уплата процентов по долгам. 5 миллиардов—содержание армии; итого 20 миллиардов. Это все, что французское государство собралось выжать из плательщика налогов. На самом деле выжать удалось лишь около $17\frac{1}{2}$ миллиардов. Стало быть „нормального“ дохода государства даже не хватает даже на уплату процентов и на содержание армии. Но далее идут чрезвычайные расходы: свыше 5 миллиардов на оккупационные войска, 23 миллиарда на всякие военные возмещения и восстановления. Эти расходы записываются на германский счет. Но совершенно очевидно, что Германия чем дальше, тем меньше в состоянии будет их выплачивать. Пока же французское государство продолжает жить или путем новых займов, или путем нового выпуска бумажных денег. Один из виднейших финансовых журналистов Франции, руководитель важнейшей экономической газеты „L'Information“ Leon Chavepon отстаивает дальнейшее печатание бумажных денег, заявляя: „мы не избавимся от этой необходимости иначе, как открытым банкротством“. Стало быть имеются только две возможности: замаскированное банкротство путем дальнейшего выпуска ценных бумажек, или банкротство открытое. Вот как обстоит дело с Францией, страной победительницей, которая поставлена в разоряющейся Европе в благоприятные условия в том смысле, что могла и может восстанавливать свое равновесие на счет Германии. Положение в Италии и Бельгии во всяком случае не лучше положения Франции.

Перейдем теперь к самой богатой, самой могущественной стране Европы, к Великобритании. Мы привыкли во время войны говорить, что Англия наживается на войне, что британская буржуазия вогнала Европу в войну и греет теперь руки. Это было верно, но только до известного предела. Англия наживалась в первый период войны и стала прожигаться во второй. Обеднение Европы, в особенности центральной, нарушило торговые взаимоотношения между Англией и остальной частью Европы. Это должно было в конце концов ударить и ударило по промышленности и финансам Англии. А кроме того Англия оказалась вынужденной нести чудовищные расходы по самой войне. Ныне Англия находится в состоянии упадка, и упадка все более возрастающего. Этот факт может быть иллюстрирован цифрами промышленности и торговли, которые я далее приведу, но самый факт бесспорен и находит свое выражение в ряде открытых и вполне официальных заявлений виднейших английских бан-

киров и промышленников. В течение марта, апреля и мая в соответствующих английских изданиях печатались отчеты годовых собраний акционерных компаний, банков и пр. Эти отчетные собрания, где руководители предприятий делают доклады, характеризуют общее положение дел страны или в своей отрасли промышленности, представляют материал исключительной поучительности. Я подобрал целую папку таких отчетов. Все они свидетельствуют об одном и том же: национальный доход Англии, т. е. совокупность дохода всех ее граждан и самого государства, стал гораздо меньше, чем до войны.

Англия обеднела. Производительность труда пала. Международная торговля за 20 г. понизилась по сравнению с последним довоенным годом по крайней мере на одну треть, а в некоторых важнейших отраслях еще гораздо больше. Особенно резка перемена в угольной промышленности, которая была главной отраслью английского хозяйства, вернее сказать, на которой держалась вся мировая хозяйственная система Англии, ибо угольная монополия составляла основу могущества, силы и процветания всех остальных отраслей английской промышленности. Теперь от этой монополии не осталось и следа. Вот основные фактические данные о состоянии английского хозяйства. В 1913 г. угольная промышленность Англии доставляла 287 миллионов тонн угля. В 20 г. 233 миллиона тонн, т. е. на 20% меньше. Чугуна в 13 году было выделано 10,4 миллиона тонн, в 20-м немногим более восьми миллионов тонн, т. е. опять-таки на 20% меньше. Вывоз угля в 13 году составлял 73 миллиона тонн, в 20-м—всего лишь 25 миллионов тонн, т. е. одна треть. Но падение угольной промышленности и угольного вывоза в текущем 21 г. является уже совершенно чудовищным. В январе добыча угля—19 милл. тонн, в феврале—17, в марте 16. Дальше разразилась всеобщая стачка, и добыча угля приблизилась к нулю. Вывоз за первые пять месяцев 1921 г. в шесть раз меньше вывоза за тот же период в 1913 г. Весь вывоз за май текущего года, выраженный в ценах, в 3 раза меньше вывоза за май прошлого года. Государственный долг Англии 1 августа 1914 г. составлял 71 миллион фунт. стерл., 4 июня текущего года—7709 миллионов фунт. стерл., т. е. увеличился в 11 раз. Бюджет вырос в 3 раза.

Падение английского хозяйства нашло свое яркое выражение в курсе английского фута стерлингов. На мировом денежном рынке фунт стерлингов занимал искони господствующее положение. Валюта всех других стран равнялась по фунту стерлингов, который называется по-английски „sovereign“, т. е. властителем. В настоящее время фунт стерлингов утерял свою руководящую роль. Его место занял доллар, нынешний владыка финансового рынка. Фунт стерлингов в настоящее время по сравнению с долларом утратил 24% своей номинальной цены. Вот как обстоит дело в Англии, самой богатой стране Европы, наименее пострадавшей от военных действий и наиболее нажившейся на войне в первый ее период.

Приведенные нами данные достаточно характеризуют положение всей Европы. Из участвовавших в войне стран на одном полюсе находится Австрия, как наиболее пострадавшая (если не говорить о России), на другом—Англия. Между ними размещаются Германия, Италия, Бельгия, Франция. Балканские страны совершенно разорены и отброшены в состоянии хозяйственного и культурного варварства. Что касается нейтральных стран, то они в первый период несомненно наживались, но так как они самостоятельной хозяйственной роли играть не могут, а живут в порях

между большими странами и деликом зависят в хозяйственном смысле от этих последних, то упадок главных стран Европы привел в величайшим хозяйственным затруднениям для нейтральных стран, которые теперь также чрезвычайно опустели по сравнению с тем уровнем, которого они достигли в первый период войны. Таким образом доход Европы, т. е. количество добываемых всем европейским населением материальных ценностей упало по крайней мере на одну треть по сравнению с довоенным временем. Но гораздо существеннее, как я уже сказал, тот упадок, который произошел в основном аппарате хозяйства. Крестьянин не находил искусственного удобрения, сельскохозяйственных орудий и машин, шахтовладелец в погоне за высокими ценами на уголь не обновлял оборудования шахт, паровозный парк изнашивался, железнодорожные пути в достаточной мере не обновлялись и пр. и пр. Все это привело к тому, что основная ткань хозяйства стала слабой, более расшатанной, менее надежной. Как это все измерить и учесть? До этого капиталистическая статистика не дошла. Такого рода инвентаризация, т. е. стоимостный учет состояния инвентаря не отдельного хозяйства, а всей страны и всей Европы невозможно погасил бы, что не только военный, но и послевоенный режим поддерживался и поддерживается за счет основного производственного капитала Европы. Это значит, например, что Германия, вместо того, чтобы направить 50 тысяч рабочих на улучшение шахт, направляет лишних 50 тысяч рабочих на добычу угля, который нужно отдавать Франции. С другой стороны, Франция, стремясь вывезти как можно больше продуктов за границу, чтобы уменьшить свой торговый дефицит, опять-таки не восстанавливает своего оборудования в необходимых размерах. И это касается всех стран Европы, ибо Европа в целом имеет дефицитный, т. е. пассивный торговый баланс. Ослабление основ европейского хозяйства скажется завтра еще сильнее, чем случилось вчера и сегодня. Большой червь исторически подкапывается под самый фундамент европейской экономики.

Экономический расцвет Америки.

Совершенно другая картина открывается, если мы перешагнем на другое полушарие. Америка проделала развитие прямо противоположного характера. Она бешено обогатилась в это время. В войне она участвовала главным образом как поставщица. Правда, она и сама несла расходы по ведению войны, но эти расходы оказались ничтожны, если их сравнивать не просто с ее военной прибылью, а со всеми теми выгодами, которые война открыла экономическому развитию Америки. Соединенные Штаты не только получали в лице воевавшей Европы почти беспредельный рынок, который все покупал и притом по повышенным ценам, — они освободились на ряд лет от главных своих конкурентов на мировом рынке — от Германии, и от Англии, которые главным образом обслуживали войну. Почти до самой войны Соединенные Штаты вывозили главным образом, именно на две трети, продукты земледелия и сырья. За время войны вывоз Соединенных Штатов непрерывно и прямо-таки лихорадочно возрастал. Достаточно сказать, что избыток вывоза над ввозом за 6 лет (1915—1920 г.) составлял 18 миллиардов долларов. При этом характер вывоза радикально изменился. Соединенные Штаты вывозят теперь на 60% продукты промышленности и только 40% продуктов земледелия и скотоводства и сырые материалы — хлопок и пр.

Чтобы очертить внешнюю роль Соединенных Штатов в мировом хозяйстве я приведу следующие основные цифры: в пределах Соединенных Штатов живет 6% мирового населения. 7% поверхности земли приходится на долю Соединенных Штатов; из мирового производства золота Соединенные Штаты доставляют 20%; на долю Соединенных Штатов приходится 30% тоннажа мирового торгового флота, тогда как до войны они имели не более 5%. Соединенные Штаты производят стали и железа 40%, олова—40%, серебра—40%, пивка—50%, угля—45%, алюминия—60%, столько же меди и хлопка, нефти—от 66 до 70%, манса—75% и автомобилей—85%. На всем свете имеется сейчас около 10 миллионов автомобилей. Из них на долю Америки приходится 8½ миллионов, на весь остальной мир 1 миллион 400 тысяч. На 12 человек американцев приходится 1 автомобиль.

Таким образом господство на угольном рынке, утерянное Англией, окончательно перешло к Соединенным Штатам. Не менее важно подавляющее превосходство Соед. Штатов в области нефти, которая играет все большую и большую роль в промышленности до-военного дела. Но не только в области промышленности и мировой торговли, на денежном рынке произошла та же перемена. Главным до-военным мировым ростовщиком была Англия, за ней шла Франция. Им должен был весь мир, в том числе и Америка. Теперь же единственная страна, которая никому не должна и восторгой должны все, это—Соед. Штаты. Европа, т.е. европейские государства, города и предприятия должны Соед. Штатам 18 миллиардов золотых долларов. Но это только начало. Каждый день этот долг увеличивается на 10 миллионов долларов вследствие неплаты процентов и путем получения новых кредитов. В соответствии с этим, как я уже упоминал доллар стал „сувереном“ мирового финансового рынка. Раньше доллар рекомендовался говорить: я вижу, примерно, одной пятой фунта стерлингов. Что касается последнего, то он не нуждался ни в какой рекомендации: он жил как фунт стерлингов—и только. Теперь дело изменилось радикально. Выше фунт стерлингов проживает по паспорту, как и все прочие денежные единицы и в этом паспорте сказано, что фунт стерлингов в сущности—не фунт стерлингов, а столько-то долларов (почти на четверть меньше, чем значится в старых до-военных справочниках). Около половины мирового золота, которое служит основой всей денежной системы, теперь сосредоточено в Соед. Штатах—около половины мирового запаса.

Таково положение Северной Америки после войны. Как оно создается? Оно выросло на военном рынке Европы, который был безграничен и платил любую цену. В английских колониях, в Азии, в Африке, а также в Южной Америке конкурентов не было, они почти совершенно исчезли, и Соединенные Штаты развернулись во всю. Мы имели таким образом в течение 7-ми лет полный переворот в области мирового разделения труда. Европа на 4 слишком года превратилась в костер, на котором сжигала не только свой доход, но и основной капитал, а американская буржуазия у этого костра грела руки. Производственная способность Америки чрезвычайно выросла, но рынок исчез, т.е. Европа обеднела и не может дальше покупать американские товары. Получилось такое положение, как если бы Европа сперва изо всех сил помогала Америке подыять на самую высокую ступеньку, а потом выдернула доску из под ее ног.

Остальные страны.—Кризис.

Япония также воспользовалась эпохой войны, и капитализм ее сделал большие успехи, которые однако не идут, разумеется, ни в какое сравнение с развитием Соед. Штатов. Некоторые отрасли японской промышленности развернулись оранжерейным темпом. Однако, если Япония и оказалась способной быстро поднять отдельные отрасли промышленности за отсутствием конкурентов, то теперь, когда многие конкуренты вернулись, она не всегда способна отстоять завоеванные позиции. Общее число японских рабочих и работниц (в Японии чрезвычайно широко применяется женский труд) составляет 2 миллиона 370 тысяч, из них 270 тысяч (около 12%) организованы в профессиональные союзы.

В колониальных и полуколониальных странах в Ост-Индии, в Китае, капитализм сделал за последние 7 лет крупнейшие завоевания. До войны Азия давала 56 миллионов тонн угля. В 1920 г. она дала 76 милл. тонн, т.-е. на 36% больше.

Ныне весь мир переживает жесточайший кризис, который начался весной прошлого года в Японии и Америке, т.-е. в тех именно странах, которые развивались, а не падали за последний период.

Самое интересное английское экономическое издание „Экономист“ довольно любопытным образом рассказывает, как начался кризис. Это очень интересный эпизод. Американский рабочий, видите-ли, разбогател и стал покупать шелковые рубашки, производство которых составляет важнейшую отрасль японской текстильной промышленности. Японская шелковая промышленность в короткий срок сильно поднялась, но так как все-таки покупательная способность рабочих весьма ограничена и сразу понижалась, как только американская промышленность стала перегружаться ввиду заключения мира, то в японской шелковой промышленности сразу открылся острый кризис, который перебросился на другие отрасли, охватил Америку, перенесся через океан и ныне во всем мире достиг еще небывалой в истории капитализма глубины. Таким образом все началось с малого — с шелковой рубашечки, а закончилось большим: — цены полетели вниз, и полетели бешено, заводы стали закрываться, рабочие выбрасываются на улицу. *В Америке есть теперь не менее 5-ти, а некоторые говорят, и 6-ти миллионов безработных.*

Эпизод с шелковыми рубашками имеет такое же примерно значение в истории кризиса, как взмах крыла птицы, которая обрушивает снежную лавину. Очевидно, лавина была уже готова к падению. Но этот эпизод интересен еще тем, что характеризует несомненное улучшение материального положения по крайней мере известных категорий рабочих за последние годы. Из 8½ миллионов автомобилей очень значительная часть принадлежит квалифицированным американским рабочим, но теперь и особенно в ближайшее время, американским рабочим будет не до автомобилей и не до шелковых рубаш.

Итак — кризис в Европе и — кризис в Америке. Но это кризисы разного порядка. Европа обеднела, а Америка разбогатела. Производственный аппарат Америки сравнительно в порядке. Заводы — червоклассные. Инвентарь налицо. Правда, качество продуктов за военное время понизилось, железные дороги растряслись, так как капиталисты заболелись

главным образом о том, чтобы транспортировать товары к восточным при-
станям,—но в общем Америка свой хозяйственный аппарат не только
сохранила, но и увеличила.

Популярная способность Европы пала. Ей нечего давать в обмен
на американские товары. Центр тяжести мирового хозяйства резко пере-
двинулся в Америку, отчасти в Японию. Если Европа страдает от худо-
сочия, то Соединенные Штаты сейчас не меньше страдают от полнокров-
вия. Это чудовищное несоответствие между состоянием хозяйства Европы
и Америки,—несоответствие гибельное для обеих сторон,—находит наибо-
лее яркое свое выражение в области средств морского транспорта. В
этой области,—как и во многих других, господствующее положение до
войны принадлежало Англии. В ее руках было до 50% мирового тоннажа.
Стремясь обеспечить за собою господство во всех отношениях, Соеди-
ненные Штаты строили торговый флот тем же темпом, каким развивалась их
торговля за военное время. Свой тоннаж они подымали с 3—4 миллионов
до 15-ти и сейчас почти сравнивались с Англией.

Мировой тоннаж за эти годы увеличился абсолютно примерно на 1/2.
Между тем промышленность и мировая торговля упала. Вывозить нечего.
Худосочие Европы и полнокровие Америки одинаково парализуют транс-
портную работу на Атлантическом океане.

Подъем и кризис.

Буржуазные и реформистские экономисты, идейно заинтересованные
в том, чтобы прикрашивать состояние капитализма, говорят:—«нынешний
кризис сам по себе еще ровно ничего не доказывает. Наоборот, это явле-
ние нормальное. Мы наблюдали после войны промышленный подъем, а
теперь—кризис,—стало быть капитализм жив и развивается». Действительно,
капитализм живет путем кризисов и подъемов,—как живет человек, вдыха-
я и выдыхая. Сперва подъем промышленности, потом заминка, кризис,
потом заминка в кризисе, улучшение, подъем, заминка и проч.

Сочетание кризиса и подъема со всеми переходными моментами со-
ставляет цикл или большой круг промышленного развития. Каждый цикл
охватывает 8—9—10—11 лет. Если взять последние 138 лет, то на этот
срок придется 16 циклов. На каждый цикл падает, следовательно, менее
9 лет—8 2/3. В силу своих внутренних противоречий капитализм разви-
вается, стало быть, не по ровной линии, а зигзагами, подъемами и пони-
жениями. Это-то и дает теперь апологетам капитализма основание гово-
рить: раз после войны мы наблюдаем чередование подъема и кризиса, стало
быть всё в лучшем в капиталистическом мире. Но на самом деле это не
так. Тот факт, что капитализм продолжает циклические колебания после
войны означает только то, что капитализм не мертв, что перед нами не
трун. До тех пор, пока капитализм не будет сокрушен пролетарской ре-
волюцией, он будет жить циклами—вверх и вниз. Кризисы и подъемы были
свойственны капитализму уже при его рождении,—они будут сопрово-
ждать его и в будущем. Но для того, чтобы определить возраст капитализма
и его общее состояние: развивается ли он, достиг ли зрелости, идет ли
к упадку,—нужно проанализировать характер циклов, как и о состоянии
человеческого организма можно судить по тому, как он дышит: ровнио или
прерывисто, сильно или поверхностно и проч. Сущность этого, однако,
может быть представлена следующим образом: возьмем развитие капита-

Библиотека
История Дона
И. И. М. К. П. М.
1062846

с. 9
1209

лизма—рост добычи угля, производство тканей, железа, чугуна, внешнюю торговлю и проч. за последние 138 лет и выразим это развитие в виде кривой линии. Если мы в изгибах этой кривой выразим действительный ход экономического развития, то окажется что эта кривая *поднимается вверх*, но не сплошной линией, а зигзагообразной—вверх, вниз, вверх, вниз, в соответствии с подъемами и кризисами. Таким образом, в кривой экономического развития есть два движения: одно—основное, которое выражает ее общий подъем, другое движение—второго порядка: это постоянные периодические колебания соответствующие 16 циклам на протяжении 138 лет. В течение этого периода капитализм жил, вдыхал и выдыхал, но в разные эпохи по разному.

С точки зрения основного движения, т.е. с точки зрения развития или застоя и упадка капитализма всю эпоху в 138 лет можно разбить на 5 периодов: 1783 по 1851 годы—капиталистическое развитие шло очень медленно, кривая крайне медленно поднималась вверх. После революции 48 года, раздвинувшей рамки европейского рынка, наступает поворот. С 51 года по 1873-й кривая развития резко поднимается вверх. В 73 году разросшиеся производительные силы упираются в рамки рынка. Происходит крах. Затем начинается эпоха депрессии, которая длится до 1894 года. Циклические колебания происходят и в это время, но основная кривая остается приблизительно на одном уровне. С 1894 года открывается новая эпоха капиталистического расцвета и кривая, почти до войны, беспрерывно поднимается вверх. Наконец, в 5-й период разрушение капиталистического хозяйства начинается с 1914 года.

Как же сочетается основное движение кривой с ее циклическими колебаниями? Очень просто. В периоды быстрого развития капитализма кризисы имеют короткий и поверхностный характер, подъемы длятся долго и захватывают глубоко. В периоды упадка капитализма кризисы имеют длительный характер, подъемы мимолетны, поверхностны и спекулятивны. В периоды застоя колебания совершаются вокруг одного и того же уровня.

Вот это и значит, что нужно по особому характеру дыхания или пульса определять общее состояние капиталистического организма.

Подъем после войны.

Сейчас после войны создано неопределенное экономическое положение. Но с весны 1919 года начался подъем: в бирже заиграли, цены поднялись вверх, как ртутный столбик в кипятке, спекуляция развернулась бешеным водоворотом. А промышленность? В средней, восточной и юго-восточной Европе продолжался упадок, о чем свидетельствуют, как мы видели, цифры. Во Франции—некоторое улучшение, главным образом вследствие грабежа Германии. В Англии—отчасти застой, отчасти упадок.—за вычетом торгового флота, тоннаж которого увеличился в той же мере, в какой пада фактическая торговля. Таким образом, в общем подъем в Европе получил полу-фактивный, спекулятивный характер и означал не развитие, а дальнейший упадок хозяйства.

В Соединенных Штатах после войны происходило сокращение военной промышленности, ее перестройка на мирный лад. Подъем наблюдается в угольной, нефтяной, автомобильной и судостроительной промышленности.

	Уголь	Нефть в милл.	Автомобили	Кораблестроение.
1918	615 т. тонн.	356 бочек	1.153.000 шт.	3.033 тыс. тонн.
1919	494 " "	378 "	1.974.000 "	4.075 " "
1920	580 " "	442 "	2.350.000 "	2.746 " "

Тов. Варга в своей ценной брошюре совершенно правильно говорит: "Тот факт, что после-военный подъем имел спекулятивный характер, ярче всего обнаруживается на примере Германии. В то время, как цены в течение полутора лет увеличились в 7 раз, промышленность Германии шла назад... Конъюнктура ее была конъюнктурой распродажи: остатки имевшихся на внутреннем рынке товарных запасов по баснословно-дешевым ценам вывозились за-границу".

Больше всего цены поднялись в Германии, где промышленность должна была падать. Меньше всего цены поднялись в Соединенных Штатах, где промышленность продолжает подниматься. Между Германией и Соединенными Штатами стоят Франция и Англия.

Чем объясняются эти факты, и чем объясняется самый подъем? Во-первых, экономическими причинами: после войны возобновились,—хотя и в очень урезанной степени, международные связи, и всюду обнаружился спрос на товары самого разнообразного рода. Во-вторых, причинами политическо-финансовыми: европейские правительства боялись того кризиса, который должен был наступить после войны и приняты все меры к тому, чтобы на время демобилизации удержать тот искусственный подъем, который был создан войной. Правительства продолжали пускать в оборот много бумажных денег, заключали новые займы, регулировали прибыль, заработную плату и цены на хлеб, доплачивая таким образом из основного народного достояния к заработку демобилизованных рабочих, и создавая искусственное хозяйственное оживление в стране. Таким образом, за это время фиктивный капитал продолжает расти, особенно в тех странах; в которых промышленность продолжает падать.

Фиктивный подъем после войны имел, однако, большие политические последствия: с известным основанием можно сказать, что он спас буржуазию. Если бы демобилизованные рабочие с самого начала столкнулись бы с безработицей, понижением жизненного уровня даже по сравнению с довоенным, то это могло иметь для буржуазии фатальные последствия. Английский профессор Edwin Cannan писал по этому поводу в новогоднем обзоре в Manchester Guardian: "Нетерпение людей, вернувшихся с поля битвы, очень опасно", и совершенно правильно объяснил благополучное прохождение самого острого после-военного периода 1919 года тем фактом, что правительство и буржуазия общими усилиями отодвинули, отсрочили кризис, создавши искусственное процветание при помощи дальнейшего разрушения основного капитала Европы. "Если бы,—говорит Cannan,—экономическое положение в январе 1919 года было таким, как в январе 1921 года, то хаос мог бы овладеть Западной Европой". Горьчаян лихорадка войны была продлена еще на полтора года и кризис наступил лишь тогда, когда демобилизованные массы рабочих и крестьян уже более или менее распределились по своим клеточкам.

Нынешний кризис.

Справившись с демобилизацией и устоявши под первым напором рабочих масс, буржуазия от состояния растерянности, тревоги и даже паники, вернулась к самоуверенности. Ей стало казаться, что теперь только и началась эпоха великого процветания, которому не будет конца. Видные английские политические и финансовые деятели предлагали заключить международный заем на восстановительные работы в 2 миллиарда фунтов стерлингов. Казалось, что золотой дождь посыплется на Европу и создаст общее благополучие. Таким образом разрушение Европы, разорение ее городов и деревень в этой фантастической цифре займа превращалась в богатство, хотя на деле это была лишь гигантская тень нищеты. Действительность, однако, скоро выбила буржуазию из этого мира фантазий. Я уже говорил, как начался кризис в Японии (в марте), в Соединенных Штатах (в апреле), перешел затем на Англию, Францию, Италию и во второй половине года распространился по всему миру. Из всего того, что мною изложено до сих пор, совершенно очевидно, что мы имеем перед собою не простое колебание очередного промышленного цикла, а расплату за разрушения и расходы всей военной и после-военной эпохи.

В 1913 году чистый ввоз всех государств составлял 65—70 миллиардов золотых марок. Из этой суммы на Россию приходилось 2½ миллиарда, на Австро-Венгрию—3 миллиарда, на Балканы—миллиард, на Германию—11 миллиардов золотых марок. Таким образом на долю средней и Восточной Европы приходилось больше четвертой части марового ввоза товара. В настоящее время все эти страны ввозят менее одной пятой прежнего своего ввоза. Эта одна цифра достаточно характеризует нынешнюю покупательную способность Европы.

Каковы же ближайшие экономические перспективы?

Совершенно очевидно, что Америке придется сжаться, так как военного европейского рынка ей не вернуть. С другой стороны, Европе придется тоже выравниваться по наиболее отсталым, т.е. наиболее разоренным областям и отраслям промышленности. Это будет экономическое равнение назад, стало быть длительный кризис, в отдельных отраслях и странах—застой, в других—слабое развитие. Циклические колебания будут продолжаться, но в общем кривая капиталистического развития будет клониться не вверх, а вниз.

Кризис, под'ем и революция.

Взаимное отношение между экономическими под'емом, кризисом и развитием революции имеет для нас большой не только теоретический, но прежде всего практический интерес. Многие из нас помнят, что Маркс и Энгельс в 1851 году,—когда под'ем сказался во всей своей силе,—писали, что ныне нужно признать революцию 48 года законченной, или по крайней мере прерванной до нового кризиса. Энгельс писал, что кризис 47 года был матерью революции, а под'ем 49-51 годов был матерью победоносной контр-революции. Было бы однако очень односторонне и в корне неправильно истолковывать эти суждения в том смысле, будто кризис всегда производит революционное действие, а под'ем, наоборот, успокаивает рабочий класс. Революция 48 года родилась не из кризиса. Он был только послед-

ним толчком. По существу революция возникла из противоречий между потребностями капиталистического развития и оковами полупфеодалного общественного и государственного строя. Революция 48 года, решительная и половинчатая, смела, однако, остатки феодального и крепостного режима и тем раздвинула рамки капиталистического развития. В этих условиях, и только в этих, под'ем 51 года явился началом целого периода капиталистического расцвета, который продолжался до 1873 года.

Можно ли ждать такого же действия со стороны под'ема 1919-20 годов? Ни в каком случае. Тут не было и в помине расширения рамок капиталистического развития. Значит ли это, что в дальнейшем, и даже более или менее близком будущем, исключен новый торгово-промышленный под'ем? Ни в каком случае. Я уже говорил, что пока капитализм живет, он вдыхает и выдыхает. Но в ту эпоху, в какую мы вступили,—в эпоху расплаты за истощение и истребления войны, в эпоху равнения *назад*,—под'емы могут иметь лишь поверхностный, преимущественно спекулятивный характер, кризисы же—более длительный и глубокий.

Возможно ли в таком случае восстановление капиталистического равновесия на новых основаниях? Если допустить,—сделаем это на время,—что рабочий класс не поднимается на революционную борьбу, а даст возможность буржуазии в течение долгого ряда лет,—скажем двух-трех десятилетий,—править судьбами мира, то несомненно, что установится некоторое новое равновесие. Европа сильно осадит *назад*. Миллионы европейских рабочих вымрут от безработицы и недождания. Соединенным Штатам придется заново ориентироваться на мировом рынке, перегруппировывать свою промышленность *осаживать назад на продолжительный срок*. После того, как таким болезненным путем в течение 15-20-25 лет установилось бы новое мировое разделение труда могла бы, может быть, начаться новая эпоха капиталистического под'ема.

Но все это рассуждение очень отвлеченно и односторонне. Мы представляем себе тут дело так, как если бы пролетариат прекратил борьбу. *Между тем об этом не может быть и речи уже потому одному, что классовые противоречия достигли именно за последние годы чрезвычайной остроты.*

Обострение социальных противоречий.

Экономическое развитие не есть автоматический процесс. Я говорил до сих пор о производственных основах, но ведь дело ими не ограничивается. На этих основах живут и работают люди, и через этих людей совершается развитие. Что же произошло в области отношений между людьми, или точнее между классами? Мы видели, что Германия, да и другие страны Европы, отброшены на 20-30 лет назад в смысле своего хозяйственного уровня. Но отброшены ли они назад одновременно в социальном, классовом смысле? Ничего подобного. Классы Германии, число рабочих и их концентрированность, концентрация капитала, его организованность,—все это складывалось до войны, особенно в результате последнего двадцатилетнего расцвета (1894-1913),—а затем еще более обострилось—во время войны при содействии государственного вмешательства, после войны—в эпоху спекулятивной горячки и концентрации капитала. Мы имеем таким образом 2 процесса развития. Национальное богатство и национальный доход падают, *но развитие классов идет при*

этом не назад, а вперед. Число пролетаризованных увеличивается, капиталы концентрируются во все меньшем числе рук, банки сливаются во-едино, промышленные предприятия сосредоточиваются в трестах. Вследствие этого борьба классов на основе уменьшающегося национального дохода неизбежно обострится. В этом вся суть. Чем меньше становится под ногами материальный фундамент, тем больше должны бороться классы и группы за свою долю в этом национальном доходе. Этого обстоятельства нельзя ни на минуту упускать из виду. Если Европа по национальному богатству отброшена на 30 лет назад, то это вовсе не значит, что она стала на 30 лет моложе. Нет, она стала на 30 лет беднее, а в классовом смысле она стала на 300 лет старше. Так обстоит дело со взаимоотношением пролетариата и буржуазии.

Крестьянство.

В первый период войны говорили и писали, что крестьянство наживается на войне во всей Европе. И действительно, хлеб и мясо нужны были государству для армии до зарезу. За все это платили бешенные цены, которые все поднимались, — и крестьяне набивали свои карманы кредитками. Этими все более обесценивавшимися кредитками крестьяне заплатали долги, которые они раньше сделали по полновесной валюте. Это было для них, конечно, очень выгодная операция.

Буржуазные экономисты считали, что процветание крестьянского хозяйства обеспечит после войны устойчивость капитализма. Но они просчитались. Крестьяне заплатили ипотеки, но сельское хозяйство вовсе не состоит в одной только уплате долгов в банк. Оно состоит в обработке земли, в удобрении, в инвентаре, в хороших семенах, в улучшении техники и т. д. Этого либо не было вовсе, либо стояло бешеных денег. К тому же рабочих рук не хватало, сельское хозяйство падало, и крестьяне после первого полу-фиктивного подъема стали разоряться. Этот процесс наблюдается в разной степени во всей Европе. Но особенно резко он сказался в Америке. Чрезвычайно пострадали американские, канадские, австралийские и южно-американские фермеры, когда обнаружилось, что разоренная Европа не способна более покупать их хлеба. Цена на хлеб пала. Среди фермеров идет брожение и недовольство во всем мире. *Крестьянство перестает таким образом быть устоем порядка. Перед рабочим классом открывается возможность увлечь за собою на борьбу по крайней мере часть крестьянства (низы), нейтрализовать другую часть (средняки), изолировать и парализовать верхи (кулаки).*

Новое среднее сословие.

Реформисты возлагали на так называемое среднее сословие большие надежды. Инженеры, техники, врачи, адвокаты, бухгалтеры, конторщики, чиновники, государственные и частные, и проч., — все это полу-консервативный слой, который стоит между капиталом и трудом и должен был, по мысли реформистов, примирять обе стороны, направлять и в то же время поддерживать демократический режим. Этот класс за время войны и после войны пострадал даже больше, чем рабочий класс, т. е. уровень его жизни ухудшился в большей степени, чем уровень жизни рабочего класса. Основ-

ная причина этого — падение покупательной силы денег, обесценение кредитов. Во всех странах Европы резкое недовольство на этой почве охватило низшее и даже среднее чиновничество и техническую интеллигенцию. В Италии, например, как раз сейчас идет острая смена чиновников. Конечно, государственные и частные чиновники, служащие банкам, и проч. в проч. не стали пролетарским классом, но они утратили свой прежний консервативный характер. Они не столько поддерживают государство, сколько расшатывают и потрясают его аппарат своим недовольством и протестом.

Недовольство буржуазной интеллигенции усугубляется еще ее тесной связью с торгово-промышленной мелкой и средней буржуазией. Эта последняя чувствует себя ободенной и обездоленной. Трестированная буржуазия продолжает богатеть несмотря на разорение страны. Она захватывает все большую и большую долю в уменьшающемся национальном доходе. Нетрестированная буржуазия и новое среднее сословие падает и абсолютно и относительно.

Что касается пролетариата, то весьма вероятно, что несмотря на ухудшение уровня его существования, общая его доля в уменьшающемся национальном доходе теперь больше, чем до войны. Трестированный капитал стремится уменьшить долю рабочего, следя ее к до-военным размерам. Рабочий же идет не из статистических выкладок, а из понижения своего жизненного уровня и стремится увеличить свою долю в национальном доходе. *Итак — крестьяне недовольны упадком хозяйства, интеллигенция беднеет, опускается; мелкая и средняя буржуазия разорена и недовольна. Классовая борьба обостряется.*

Международные отношения.

Международные отношения играют, разумеется, огромную роль в жизни капиталистического мира. Последний это слишком ясно почувствовал во время мировой войны. И сейчас, когда мы ставим вопрос о возможности или невозможности для капитала восстановить свое мировое равновесие, необходимо посмотреть, в каких международных условиях происходит эта восстановительная работа. Нетрудно убедиться, что международные отношения стали гораздо более напряженными, гораздо менее совместимыми с „мирным“ развитием капитала, чем это было до войны.

Почему произошла война? Потому что производительным силам стало тесно в рамках наиболее могущественных капиталистических государств. Стремление империалистического капитала состояло в том, чтобы упразднить государственные границы и весь земной шар захватить себе, устранив таможи, перегородки, стесняющие развитие производительных сил. В этом экономическая основа империализма и причины войны. А результат? Европа сейчас богата границами и таможами более, чем когда бы то ни было. Образовался ряд мелких государств. На место бывшей Австро-Венгрии теперь проложен десяток таможенных линий. Англичанин Пенс назвал Европу сумасшедшим домом, и действительно, с точки зрения экономического развития весь этот партикуляризм мелких государств со своей замкнутостью, таможенной системой и проч. представляется чудовищным анахронизмом, сумасшедшим внедрением средневековья в двадцатое столетие. В то время как Балканский полуостров варваризируется, Европа балканизруется.

Отношения Германии и Франции попрежнему исключают возможность какого бы то ни было европейского равновесия. Франция вынуждена грабить и насиловать Германию для того, чтобы поддерживать свое классовое равновесие, которому не отвечает истощенный фундамент французского хозяйства. Германия не может и не сможет оставаться объектом этого грабежа. Сейчас, правда, достигнуто соглашение. Германия обязалась уплачивать ежегодно 2 миллиарда марок золотом и, кроме того, 26% со своего вывоза. Эта сделка представляет собою победу английской политики, которая стремится помешать французской оккупации Рура. Сейчас главная масса европейской железной руды находится в руках Франции, главная масса угля в руках Германии. Первейшим условием возрождения европейского хозяйства является производственное сочетание французской руды с немецким углем, а такое сочетание, безусловно необходимое для хозяйственного развития, смертельно опасно для английского капитализма. Все усилия Лондона направлены поэтому на то, чтобы помешать как наступательному, так и мирному сочетанию французской руды с немецким углем.

Франция временно приняла компромисс, тем более, что при своем расстроенном производственном аппарате она неспособна переварить и тот уголь, который ей принудительно доставляет теперь Германия. Но это вовсе не значит, что вопрос о Руре решен окончательно. Первая же неустойка со стороны Германии в деле ее контрибуционных обязательств неизбежно снова поставит вопрос о судьбе Рура.

Рост европейского, а отчасти и мирового влияния Франции за последние годы определяется не усилением Франции, а явным и прогрессирующим ослаблением Англии.

Великобритания победила Германию. Это был главный вопрос, который разрешился последней войной. И война по существу была не мировой, а европейской, хотя борьба двух могущественнейших европейских государств—Англии и Германии—и разрешилась при участии сил и средств всего мира. Англия победила Германию. Но сейчас Англия на мировом рынке и вообще в мировой обстановке гораздо слабее, чем была до войны. Соединенные Штаты выросли за счет Англии гораздо больше, чем Англия за счет Германии.

Америка бьет Англию, прежде всего более рациональным, более прогрессивным характером своей промышленности. Производительность труда американского рабочего на 150% выше производительности труда английского рабочего. Другими словами, два американских рабочих, благодаря более совершенно поставленной промышленности, производят столько, сколько пять английских. Один этот факт, засвидетельствованный английским статистическим исследованием, свидетельствует, что Англия в борьбе с Америкой обречена и этого одного достаточно, чтобы толкнуть Англию на путь войны с Америкой, пока английский флот сохраняет перевес на океанах.

Американский уголь вытесняет английский во всем мире и даже в самой Европе. А между тем, мировая торговля Англии опиралась, прежде всего, на вывоз угля. Кроме того нефть получает теперь решающее значение для промышленности и обороны: она не только питает автомобили, тракторы, подводные лодки, аэропланы, но имеет огромные преимущества по сравнению с углем также для больших океанских кораблей. До 70% мировой добычи нефти добывается в пределах Соединенных Штатов. Стало

быть, в случае войны вся эта нефть оказывается в руках Вашингтонского правительства. Кроме того Америка держит в своих руках Мексиканскую нефть, которая дает до 12% мировой добычи. Правда, американцы обвиняют Англию в том, что за пределами Соединенных Штатов Англия скопила до 90% мировых источников нефти и недопускает к ним американцев, тогда как американские источники будут-де в ближайшие годы исчерпаны. Но все эти диалого-статистические вычисления довольно сомнительны и произвольны. Они сделаны по заказу для того, чтобы оправдать претензии Америки на нефть в Мексике, Месопотамии и т. д. Но если бы действительно опасность истощения Американских источников оказалась реальной, то это было бы еще одной причиной, способной ускорить войну между Соединенными Штатами и Англией.

Острым вопросом является задолженность Европы Америке. Долг составляет в общем 18 миллиардов долларов. Соединенные Штаты всегда имеют возможность создать величайшие затруднения на английском денежном рынке предъявлением требований об уплате. Как известно, Англия даже предлагала Америке отказаться от английского доллара, обещая в свою очередь отказаться от европейского долга Англии. Так как Англия должна Америке значительно больше, чем ей самой должны континентальные страны Антанты, то Англия при этой операции должна была остаться в барышах. Америка отказалась. Не трудно понять, что капиталистические янки не оказались склонны финансировать на собственные средства подготовку Великобритании к войне с Соединенными Штатами.

Союз Англии с Японией, которая борется с Америкой за преобладание на Азиатском материке, также чрезвычайно обостряет отношение Америки и Англии.

Но самый острый характер, в виду всех указанных условий приобретает вопрос о военном флоте. Правительство Вильсона, натолкнувшись на сопротивление Англии в мировом вопросе, создало гигантскую программу мирного строительства. Правительство Гардинга приняло эту программу от своего предшественника и программа выполняется полным ходом. В 1924 г. флот Соединенных Штатов будет не только несравненно более могущественным, чем английский флот, но будет—если не по тоннажу, то по боевой силе,—превосходить английский флот вместе с японским.

Что это означает с английской точки зрения?—Либо Англия должна до 24 года принять вызов и попытаться разрушить военное, морское и экономическое могущество Соединенных Штатов, пользуясь своим нынешним превосходством, либо же Англия должна пассивно превратиться в державу второго или третьего порядка, окончательно сделав Соединенные Штаты господствующими на океанах и морях. Таким образом последняя бойня народов, разрешившая по-своему европейский вопрос, тем самым поставила во всем объеме мировой вопрос,—т. е. вопрос о том, господствовать ли Англии или Соединенным Штатам? Подготовка к новой мировой войне идет полным ходом. Расходы на армию и флот чрезвычайно выросли по сравнению с до-военным временем. Английский военный бюджет вырос в три раза, американский в три с половиной раза.

1 января 1914 года, т. е. в момент наивысшего напряжения «вооруженного мира» во всем мире стояло под штыками около 7 миллионов солдат. В начале нынешнего года под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Главная масса этих армий ложится, разумеется, на истощенную Европу.

Острый кризис, выросший из сужения мирового рынка, чрезвычайно обостряет борьбу капиталистических государств, лишая мировые отношения всякой устойчивости. Не только Европа, но и весь мир становится сумасшедшим домом. В этих условиях не приходится говорить о восстановлении капиталистического равновесия.

Рабочий класс после войны.

Сейчас же после войны буржуазия была растеряна и напугана до последней степени—рабочие, особенно те, которые возвращались из армии, были настроены требовательно. Но рабочий класс в целом был дезориентированным, не знал точно, как сложится жизнь после войны, чего и как требовать, по какому пути идти. Движение, как мы видели в самом начале доклада, приняло чрезвычайно бурный характер, но твердого руководства у рабочего класса не было. С другой стороны, буржуазия шла на очень большие уступки. Она продолжала военный, финансовый и экономический режим (займы, выпуски кредитов, хлебная монополия, обеспечение безработных рабочих масс и проч. и проч.). Другими словами, правительствующая буржуазия продолжала расстраивать хозяйственный фундамент и все больше разрушать равновесие,—производственное и финансовое,—для того, чтобы поддержать на самый острый период равновесие классов. До сих пор ей это более или менее удавалось.

Теперь она переходит к решению вопроса о восстановлении хозяйственного равновесия. Здесь дело идет не о временных уступках и податках рабочему классу, но о мерах основного характера. Нужно восстановить расстроенный производственный аппарат. Нужно восстановить валюту, ибо всеобщий мировой эквивалент немислим без мирового рынка, а стало быть и немислима „уравновешенная“ национальная промышленность, связанная с мировым рынком.

Восстановить производственный аппарат, значит урезать работу на предметы употребления и увелачить работу на средства производства. Нужно усилить накопление, т. е. повысить интенсивность труда и понизить заработную плату.

Чтобы восстановить валюту, нужно, помимо отказа от уплаты непосильных долгов, улучшить торговый баланс, т. е. меньше ввозить и больше вывозить. А для этого нужно меньше потреблять и больше производить, т. е. опять-таки понизить заработную плату и повысить напряженность труда.

Всякий шаг, направленный на восстановление капиталистического хозяйства, связан с повышением нормы эксплуатации и, стало быть будет вызывать неизбежное сопротивление со стороны рабочего класса. Другими словами, каждое усилие буржуазии восстановить равновесие в производстве, в распределении, в государственных финансах неизбежно нарушает неустойчивое равновесие рабочего класса. Если в течение двух лет последней войны буржуазия в своей хозяйственной политике руководствовалась, прежде всего, стремлением утихомирить пролетариат, хотя бы и ценою дальнейшего разрушения хозяйства, то теперь, в эпоху небывалого кризиса, она стала поправлять хозяйственное положение путем все возрастающего нажима на рабочий класс.

В Англии мы ярче всего видим, как этот нажим поражает отпор. А отпор рабочего класса нарушает устойчивость хозяйства и превращает в пустой звук все речи о восстановлении равновесия.

Бесспорно, борьба пролетариата за власть затянулась. Она не оказалась сплошным штурмом. Она не дала картины непрерывного ряда все повышающихся волн, из которых последняя смыкает капиталистический строй.

В этой борьбе мы наблюдаем и повышение, и понижение, и оборону и защиту. Словом классовое маневрирование с нашей стороны далеко не всегда было искусно. Причина тут двоякого рода. Во первых, слабость коммунистических партий, возникших только после войны без необходимого опыта, без необходимого аппарата, без достаточного влияния и без,— а это главное,— без достаточного внимания к рабочим массам. В этой области за последние годы мы во всяком случае сделали большой шаг вперед. Коммунистические партии окрепли и развернулись. Второй причиной затяжного и неравного характера борьбы является разнородный состав самого рабочего класса, каким он вышел из войны.

Меньше всего война потрясла рабочую бюрократию, профессиональную, партийную и парламентарную. Капиталистические государства во всех странах отнеслись чрезвычайно внимательно и бережно к этой надстройке, прекрасно понимая, что без нее не удалось бы удержать в повиновении рабочий класс в течение кровавых лет. Рабочая бюрократия получила всякие привилегии и вышла из войны с теми навыками тупоумного консерватизма, с какими вошла в войну, только более скомпроментированная, более тесно связанная с капиталистическими государствами. Квалифицированные рабочие старшего поколения, привыкшие к своей профессиональной и партийной организации, особенно в Германии, остаются в значительной мере и сейчас опорой рабочей бюрократии, но устойчивость их вовсе не абсолютная. Рабочие, которые прошли через школу войны, внесли в пролетариат,— а это сердцевина рабочего класса,— новую психологию, новые навыки и новые отношения к вопросам борьбы, жизни и смерти. Они готовы разрешать вопросы силой, но на войне они условили, что успешное применение силы предполагает правильную тактику и стратегию. Эти элементы пойдут в бой, но они хотят твердого руководства и серьезной подготовки. Многие остальные категории рабочих, в том числе женщины—работницы, число которых чрезвычайно возросло за время войны, стали теперь в силу резкого поворота своего сознания наиболее боевым, хотя и не всегда более опытной частью рабочего класса. Наконец, на крайнем-левом фланге мы видим рабочую молодежь, которая выросла за время войны под грохот боев и революционных потрясений и которой предстоит занять большое место в предстоящей борьбе.

Вся эта, чрезвычайно возросшая пролетарская масса,— старых рабочих и рабочих новобранцев, рабочих оставшихся в тылу и рабочих, прошедших несколько лет под огнем,—вся эта многомиллионная масса неодинаково и неодновременно проходит свою революционную школу.

Мы это видели снова на примере мартовских событий в Германии, где рабочие средней Германии, которые до войны были самым острым элементом, в марте ввалились в бой, не задаваясь вопросом о том, обещает ли он победу,—тогда как берлинские рабочие или саксонские успели за

время революционных боев накопить опыт и стали ссторожными. Несомненно, что общий ход последней борьбы и особенно нынешний поход капитала объединяет все слои рабочего класса за исключением слоев, более привилегированных, верхов. Коммунистическая партия получает все больше и больше возможности установить действительное единство фронта рабочего класса.

Ближайшие перспективы и задачи.

Революция имеет перед собой три источника, которые связаны между собой.

Первым источником революции является упадок Европы. Классовое равновесие в Европе держалось на господствующем положении, прежде всего, Англии на мировом рынке. Ныне это господствующее положение его окончательно утеряно и не вернется. Отсюда неизбежны могучие революционные потрясения, которые могут закончиться либо победой пролетариата, — либо полным упадком Европы.

Вторым источником революционной борьбы являются резкие сотрясения всего экономического организма Соединенных Штатов. Небывалый подъем вызванный европейской войной и жестокий кризис, порожденный длительными последствиями этой войны. Революционное движение американского пролетариата может в этих условиях принять такой же небывалый в истории темп, какой приняло экономическое развитие Соединенных Штатов за последние годы.

Третьим источником революционной борьбы является индустриализация колоний и прежде всего Индии. Основой борьбы колоний за освобождение является крестьянская масса. Но борьба этой последней нуждается в руководстве. Такое руководство давала туземная буржуазия. Борьба этой последней противочужестранного империалистического владычества не может, однако быть, ни последовательной, ни энергичной, так как сама туземная буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, является в значительной мере его агентурой. Только возникновение довольно многочисленного туземного пролетариата, способного к борьбе, создает действительный стержень для революции. Освободительное движение в колониях, разумеется, в сравнении со всем населением индусского пролетариата мало численно, но это понял смысл и развитие революции в России, тот отдал себе отчет в том, что революционная роль пролетариата в странах Востока будет гораздо выше, чем его численность. Это относится не только к чисто колониальным странам, как Индия, к полуколониальным, как Китай, но и к Японии, где капиталистический гнет сочетается с феодално-кастовым бюрократическим абсолютизмом.

Таким образом мировая обстановка и дальнейшие перспективы имеют глубоко революционный характер.

Когда буржуазия после войны прибегла к подачкам рабочему классу, соглашатели услужливо превратили эти подачки в реформы (8-ми часовой рабочий день, страхование безработных и проч.) и открыли, — на развалинах эру реформизма. Теперь буржуазия перешла в контр-наступление по всей линии и даже английский „Таймс“ — архикапиталистический орган, со страхом говорит о капиталистических большевиках. Нынешняя эпоха

есть эпоха контр-реформизма. Английский папифист Норман Энджел называет войну ложным расчетом. Опыт последней войны действительно показал, что расчет с точки зрения бухгалтерии был ложный. После войны могло казаться, что наступает торжество папифизма и что лига наций является его выражением. Теперь мы видим, что расчет папифизма был ложным расчетом. Никогда еще капиталистическое человечество не готовилось с таким остервенением к новой войне как теперь. Иллюзии демократии разоблачаются даже перед консервативнейшими слоями рабочего класса. Еще недавно демократии противопоставлялась только диктатура пролетариата с ее терроризмом, ЧЭ и проч. и проч. Теперь демократия все больше противопоставляется всяким и всем формам классовой борьбы. Ллойд Джорж предложил углекопам обратиться со своим ходатайством в парламент и объявил их стачку насильем над национальной волей.

Немецкие рабочие при гегенцоллернском режиме имели известную устойчивость, известные границы. Рабочие в общем знали, что можно, чего нельзя делать. В республике Эберта рабочий-стачечник всегда рискует быть зарезанным на улице или в полицейском застенке без всяких дальнейших последствий. Эбертовская демократия дает немецким рабочим то же, что высокая заработная плата в обезцененных бумагах.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы охватить создавшуюся обстановку в целом и активно вмешаться в борьбу рабочего класса для того, чтобы на основе этой борьбы завоевать большинство рабочего класса. *Если обстановка в той или другой стране крайне обостряется мы должны поставить основные вопросы ребром и должны драться в том виде, в каком нас застанут события.* Если же развитие событий пойдет более планомерно, мы должны использовать все возможности для того, чтобы до решающих событий иметь за собой большинство рабочего класса.

Сейчас в оборонительной экономической борьбе на почве кризиса коммунисты должны принять самое активное участие во всех профсоюзках, во всех стачках и выступлениях, во всяких движениях, в работе всегда сохраняя внутреннюю связь между собой и всегда выступая как наиболее решительное и дисциплинированное крыло рабочего класса. В зависимости от хода кризиса и политической обстановки оборонительная экономическая борьба может раздвигаться, охватывая все новые слои рабочего класса, населения и армии безработных, и превратившись на известной стадии в революционную наступательную борьбу, завершится победой. Наши усилия должны быть направлены именно сюда.

Но если на смену кризису придет улучшение мировой экономической конъюнктуры? Будет ли это значить, что революционная борьба приостановлена на неопределенное время?

Из всего моего доклада, товарищи, вытекает, что новый подъем, который не сможет быть ни длительным, ни глубоким, отнюдь не будет приостановкой революционного развития. Промышленный подъем 49—51 года ударил по революции только потому, что революция 48 года расширяла

рамки капиталистического развития. Что касается событий 1914—21 года, то они не расширили, а крайне сузили рамки мирового рынка и потому взрыв капиталистического развития в целом будет в ближайший период склонна направляться вниз. В этих условиях временный подъем сможет только укрепить классовое самочувствие рабочих, сплотить их ряды не только на заводах, но и в борьбе, и даст толчок не только их экономическому контр-наступлению, но и их революционной борьбе за власть.

Обстановка становится для нас все более благоприятной, но и крайне сложной. Победа не дается нам автоматически. Почва под врагом подкопана, но враг силен, зорко видит наши слабые места, лавирует, маневрирует, всегда руководясь холодным расчетом. Из опыта наших боев за эти три года, особенно из опыта наших ошибок и неудач, нам, — всему Коммунистическому Интернационалу, — нужно многому научиться. Гражданская война требует политического, тактического и стратегического маневрирования, учета особенности каждой данной обстановки, сильных и слабых сторон врага, сочетания энтузиазма с холодным расчетом, способности не только наступать, но и готовности временно отступить для сбережения сил и нанесения тем более верного удара.

Повторяю, мировая обстановка и дальнейшие перспективы глубоко революционны. Это создает необходимую предпосылку нашей победы, но полную гарантию может дать нам только наша умелая тактика, наша крепкая организация. Поднять Коммунистический Интернационал на более высокую ступень, сделать его тактически более сильным — такова основная задача 3-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П.

(Р. В. Ц.)

отпечатано 10.000 экз.

2р.

